

Се Синьцзянь толком не помнил, что ответил тогда, и даже не мог вспомнить, когда именно улегся спать.

Запомнился лишь странный, навязчивый сон.

Будто бы он зарегистрировался под реальным именем на одном крупном сайте вопросов и ответов, а администратор сообщил: чтобы завершить верификацию, нужно ответить хотя бы на один вопрос.

«Подумаешь, один вопрос!» — решил во сне Синьцзянь и засел за страницу, готовый строчить ответы десятками.

«Как во время первого поцелуя притвориться бывалым?»

«Никак. Едва он приблизился, меня охватила такая паника, что все мысли вылетели из головы».

«Правда ли, что парни во время поцелуя любят трогать грудь?»

«Зависит от ориентации. Гетеросексуалы — возможно, а парням больше нравится касаться других мест».

«Что происходит с телом во время поцелуя?»

«Кажется, будто вот-вот умрешь».

«Правда ли, что от поцелуев подкашиваются ноги?»

«Меня даже поцеловать не успели, а ноги уже стали ватными».

«Не противно ли при глубоком поцелуе соприкасаться с чужой слюной?»

«Я тоже думал, что будет противно. Пока мы не поцеловались...»

Этот сон перепугал его до полусмерти. Проснувшись поутру, Синьцзянь долго сидел в полном оцепенении.

Едва придя в себя, он с судорожной поспешностью схватил телефон и открыл приложение. К счастью, это был всего лишь незарегистрированный твинк — ни подтверждения личности, ни ответов на глупые вопросы.

И с чего вдруг приснилась такая дичь?

Сгорая от стыда, Синьцзянь накрылся одеялом с головой и свернулся калачиком, точь-в-точь варёная креветка.

— Чего так рано? — раздался хриплый, сонный голос Ли Вэньсю.

Синьцзянь мгновенно замер и лишь через пару секунд едва слышно прошептал:

— Я тебя разбудил?

— Нет... — Вэньсю, похоже, еще не совсем очнулся ото сна. — Привычка. Организм сам просыпается.

Впрочем, на дневное время съемок не намечалось, так что Вэньсю не стал подниматься и решил еще немного побаловать себя бездельем в постели.

Главную сцену этого дня запланировали на глубокую ночь. По местному обычаю праздник Цисицзе встречали незадолго до рассвета: следили за Млечным Путем, жгли костры на побережье, пели, танцевали и встречали солнце прямо у воды, собирая уходящую волну.

Поэтому режиссёр Ло Юаньцзе освободил дневные часы, приказав съемочной группе как следует выспаться и набраться сил перед ночной работой.

Когда ближе к ночи Синьцзянь добрался до Пятицветного пляжа, побережье уже пестрело россыпью факелов. Их робкие огни едва сдерживали наступающий мрак.

Вверху раскинулся чистый, прозрачный купол неба, прорезанный сиянием Млечного Пути.

Глубокая ночь — время, когда человека сваливает тяжелый сон, но сейчас на берегу сгрудились сотни людей. Они с восторгом готовились встретить этот печальный и прекрасный праздник.

Бай Цзиннянь в свое время рвался на остров Вэйхай во многом ради того, чтобы запечатлеть местный Цисицзе. Едва стемнело, он уже бродил по Пятицветному пляжу с камерой наперевес.

Этот берег, сложенный из вулканической лавы, во время отлива покрывался сотнями мелких лужиц, в которых зеркально отражалось всё вокруг: синева неба, белоснежные облака, бурые скалистые склоны... Издали берег казался пестрым ковром, отчего и получил свое название.

Однако сейчас, во тьме ночи, пляж тонул в непроглядной черни. Прибой ревел так люто, что

ни один смертный не рискнул бы подступиться к воде.

Народ веселился выше, на ровной площадке у обрыва. По соседству выстроились торговцы с лотками, предлагая фрукты, закуски и детские игрушки.

Все взоры были устремлены к небу.

Звезды на острове Вэйхай видны повсюду, но именно здесь, вдали от городских огней, открывался лучший вид. Никакой засветки — невооруженным глазом можно было разглядеть тысячи мерцающих точек.

Посреди душной летней ночи дуга Млечного Пути перекинулась через морскую гладь мостом, а по разные стороны «реки» замерли Волопас и Ткачиха — вечные влюбленные.

Бескрайнее небо над головой, грохочущая пучина у ног — перед лицом столь величественной природы даже самый отчаянный гордец ощущал невольный трепет.

И тут в темноте зазвучала песня.

Сперва одинокий голос, затем к нему примкнул второй, третий... А мгновение спустя гулкое многоголосие заполнило все побережье, сливаясь в подлинный гимн. Без единого инструмента они пели так мощно и слаженно, словно играл симфонический оркестр. Эхо древней, таинственной тоски прорезало мрак ночи.

Бай Цзиннянь заворуженно наблюдал за происходящим. В его глазах плясали отсветы пламени, а на губах сама собой проступала улыбка.

— Да брось ты свою железку! — К нему неожиданно подскочила Цао Юэгуй и, подхватив под локоть, потащила в гущу толпы. — Пошли петь со всеми!

— Постой, моя камера... — оглянулся он.

— Тан Фэн присмотрит! — отмахнулась девушка.

Тан Фэн кивнул и подбадривающе улыбнулся:

— Иди, не переживай.

Гуйюэ увлекла его за собой, какой-то незнакомец тут же ткнул ему в руку горящий факел, и Бай Цзиннянь против воли подчинился этому бурлящему человеческому потоку.

В эту минуту он был по-настоящему счастлив.

Пусть вокруг толпились незнакомцы, поющие на непонятном наречии, здесь он неожиданно обрел кусочек собственной души.

Пение сменилось плясками. Изливавшие на него радушие местные жители кружили его в танце, и Цзиннянь, с трудом сдерживая смущение, одолел пару па. Но когда веселье только разгорелось, силы окончательно покинули его, и он буквально сбежал, укрывшись за спиной Тан Фэна.

Он опасался, что Тан Фэн заскучает в одиночестве, но к тому то и дело подходили местные девушки, приглашая присоединиться к общему кругу.

Едва Тан Фэн с улыбкой откажет одной, как на ее месте тут же вырастает другая. Пока Бай Цзиннянь преодолевал эти несчастные пятьдесят метров, к его спутнику успели подскочить трижды.

Когда Тан Фэн вежливо отклонил просьбу очередной красавицы в ярком платье, Цзиннянь шагнул вперед и протянул ему правую руку:

— Красавчик, не составишь мне компанию в танце?

Тан Фэн обернулся. В колеблющемся свете костров перед ним стоял Цзиннянь в простой белой футболке. Он чуть запрокинул голову и искренне, тепло улыбался. В его чистых глазах отражалось то светлое, ничем не замутненное счастье, которого Тан Фэн в нем никогда прежде не видел.

Тан Фэн обомлел, на мгновение позабыв, как дышать.

Вот он, настоящий Бай Цзиннянь. За невзрачной оболочкой скрывалась чуткая, пылкая душа.

И какое счастье, что в этот миг Цзиннянь приоткрыл перед ним эту дверцу, позволив заглянуть в свой сокровенный мир.

— За честь сочту, — улыбнулся Тан Фэн и вложил свою ладонь в его руку.

Но Цзиннянь вдруг сменил милость на гнев и нарочито поджал губы:

— Раз тебе так хотелось плясать, шёл бы с теми девчонками.

— С чего ты взял, что мне хотелось? Ты же первый меня позвал, — рассмеялся Тан Фэн, даже

не думая разжимать пальцы.

— Отпусти, — насупился Цзиннянь.

— Не отпущу.

— Ты ведь танцевать собирался?

— Пойду, только если ты пойдешь.

— А я не пойду.

— Значит, и я останусь.

—...

— Хочешь посмотреть, что я снял? — быстро перевел тему Тан Фэн.

Любознательство взяло верх. Цзиннянь шагнул к камере и с замиранием сердца нажал на воспроизведение.

На небольшом экранчике вспыхнули огоньки факелов, за ними проявились взволнованные, покрасневшие лица людей, послышался шум прибоя и раскатистое пение.

А затем объектив намертво прикипел к одному тонкому юноше, фиксируя каждую секунду его превращения из робости в абсолютную свободу.

Каждый кадр был посвящен ему одному.

— Зачем ты снимал только меня? — тихо спросил Цзиннянь.

— Потому что ты мне нравишься, — ответил Тан Фэн.

Цзиннянь перевел на него взгляд. Сердце гулко заколотилось о ребра.

Мощный хор окрестных голосов не мог заглушить этот оглушительный, бешеный стук.

Почему Тан Фэн так сказал? Что значит «нравишься»? Нравится снимать его? Или... он нравится ему так же, как сам Цзиннянь влюблен в него?

В душе Цзинняня даже вспыхнула досада.

Зачем Тан Фэн говорит эти двусмысленные слова, отлично зная о его чувствах? Издевается? Или точно так же робеет и пытается подступиться издалека?

Если последнее, то...

Цзиннянь поднял глаза, неторопливо скользя взглядом по лицу Тан Фэна: лоб, брови, глаза, горбинка носа и, наконец, губы... Больше всего он любил его губы, напоминавшие раскрывшийся бутон.

«Если последнее, — мысленно прошептал Цзиннянь, — я хочу поцеловать его».

Они стояли так близко. Сделай шаг — и их губы соприкоснутся.

Сколько раз во снах он жаждал этого поцелуя! Жаждал, чтобы эти губы коснулись каждого уголка его тела...

Незаметно для них самих расстояния между лицами не стало. Их взгляды сплелись в полутьме, отчаянно цепляясь за эту хрупкую, едва живую иллюзию дружбы.

Но оба понимали: продолжать эту игру они больше не в силах.

Кто-то один сделал шаг навстречу, и они наконец сцепились в страстном, неудержимом объятии.

Натиск был столь порывистым, что единственно стоявший рядом факел полетел наземь. Их уголок вновь погрузился в непроглядный сумрак, и лишь слабый отсвет экранчика освещал смутные черты их лиц.

На Пятицветном пляже снова загремели песни. Цепочка огней, подобно огненному дракону, устремилась вслед за отступающим морем.

В три часа ночи наступил второй кульминационный момент праздника — Проводы прилива.

Бесчисленные люди высыпали на прибрежные валуны. Плечом к плечу, рука об руку, они несли факелы, сливавшиеся в одну пылающую реку, шаг за шагом отгоняя бушующие волны обратно в пучину.

Тысячелетиями человечество почитало природу — и тысячелетиями боролось с ней.

Вода уходила, и огненная лента уплывала все дальше от берега. А за спинами людей две дрожащие души сливались воедино, встречая свой крошечный, но пылающий праздник посреди этой бескрайней вселенной.

Морские волны накатывали и уходили, факелы горели почти до самого утра.

А они просто стояли в обнимку, храня молчание.

[0191] В пять утра на востоке затеплился заревой свет. Люди один за другим тушили огонь и отправлялись искать выброшенную морем добычу — ракушек, крабов, мелкую рыбешку. Азарт никого не оставлял.

В шесть утра из морской пучины неторопливо выкатилось солнце, выкрасив облака в нежно-розовый цвет. Золотые лучи, словно стрелы, пронзили гладь и затопили обнажившийся Пятицветный пляж.

Величественное зрелище приковало все взоры.

Народ подался ближе к воде, пытаясь урвать лучший вид.

И никто не заметил, что на самом краю берега два юноши целовались, повернувшись спиной к восходящему солнцу.

Их тела купались в золотом свете. И в это мгновение их любовь, о которой нельзя было говорить вслух, наконец получила свою крошечную долю признания.

[0203] На втором курсе Бай Цзиннянь часто ходил на лекции по истории современной литературы. Ему глубоко запали в душу слова профессора, разбиравшего творчество Чжан Айлин:

«Вечная любовь существует. Но проявляется она не через «навсегда». Вечность — это лишь застывшее мгновение».

Тогда Цзиннянь еще не знал, суждено ли ему встретить вечность.

Но прямо сейчас он любил этого человека всем сердцем.

И, возможно, именно эта секунда и была его вечностью.

Сцена праздника Цисицзе считалась одной из ключевых в «Долгом лете». Ночные съемки на открытом воздухе, толпы массовки, вопросы безопасности — когда режиссер дал отмашку, весь коллектив облегченно перевел дух.

Недалеко от площадки Синьцянь сидел у края воды, попивая горячую воду и заедая ее небольшой булочкой. Актеры рассчитывали закончить к рассвету, но процесс затянулся до десяти утра. Синьцянь плохо переносил голод, так что попросил у ассистента перекус.

После бессонной ночи силы иссякли, аппетита не было, и он меланхолично отщипывал от булки крошки.

— Братец Сяо Се, да брось ты эту сухомятку! — к нему подбежала возбужденная Чжао Сыци. — Режиссер Ло после смены ведет всех обедать морепродуктами! Говорят, там раки-богомолы величиной с предплечье!

Синьцянь качнул головой:

— Я пас. Вернусь в отель, посплю немного.

Кто-то спросил Ли Вэньсю, пойдет ли тот, но и актер отказался:

— Поедайте без меня, я спать.

— Да что с вами со всеми? — изумилась Чэн Лисюэ. — Нынешняя молодежь совсем рассыпается? Даже пятидесятилетний старик держится бодрее вас!

Не успела она договорить, как по ее макушке прилетела лёгкая затрещина.

— Здоровье у меня, может, и не то, но слух отличный, — вальяжно произнес Ло Юаньцзе, убирая руку. — В следующий раз кости мне перемывай подальше.

Лисюэ тут же подобострастно заискивала:

— Да я же исключительно в знак восхищения вашей бодростью, режиссер Ло!

Поодаль Синьцянь и Вэньсю расходились по своим минивэнам. Лисюэ оглянулась им вслед и насупилась:

— Послушайте... вам не кажется, что между ними какая-то странная кошка пробежала?

Стоявший рядом Ло Юаньцзе лишь многозначительно ухмыльнулся.

Синьцзянь и сам чувствовал, что между ними что-то разладилось. Но он и помыслить не мог, что Вэньсюотреагирует еще острее: едва вернувшись в гостиницу, тот немедленно съехал из их смежного номера.

— Брат, ты чего?! — Ли Синьюй стоял у дверей соседнего номера и отчаянно барабанил по косяку, сжимая в руке ручку чемодана. — С какого перепуга ты меня выставляешь?!

Ответа не последовало. Через пару минут подоспел Ли Сыцзе и утащил парня к себе.

В номере Ли Вэньсю сидел на диване с мрачным, непроницаемым лицом.

В его темных глазах бушевал огонь — опасный, готовый спалить всё на своем пути.

В соседней комнате Синьцзянь точно так же не мог сомкнуть глаз.

Едва он закрывал веки, перед глазами вспыхивал их ночной поцелуй.

Синьцзянь крайне редко запоминал дубли, особенно в масштабных сценах с кучей народу, где каждая ошибка заставляет десятки людей работать понапрасну. Он всегда выкладывался на максимум с первого раза. О Вэньсю и говорить нечего — его мастерство давно стало неоспоримым.

Кто бы мог подумать, что на этой сцене они запорют целых три дубля!

После первого дубля Ло Юаньцзе заявил, что между ними нет «тягучей страсти», и велел переснять.

Синьцзянь отродясь не слышал столь бесстыдных формулировок, у него уши запылали. Но режиссер и не думал сглаживать углы:

— Это глубокий, затяжной поцелуй! Чувства долго вызревали, подавлялись, и вот наконец прорвались наружу! Вы оба слишком зажаты. Особенно ты, Вэньсю. Чего ты боишься?

Вэньсю стоял в тени, и лишь спустя долгую паузу хрипло отозвался:

— Больше не повторится.

Синьцзянь лишь растерянно хлопал глазами, чувствуя, что упускает скрытый смысл их разговора.

— А что до тебя, Синьцян, — повернулся к нему режиссер, — перестань глушить реакции своего тела. В этот момент все должно происходить само собой, нечего стесняться.

Синьцян кивнул, и они зашли на второй дубль.

Страсти во второй раз прибавилось, но Ло Юаньцзе снова остался недоволен. Впрочем, разглагольствовать он больше не стал, а просто отвёл их обоих за кузов стоящего неподалеку технического грузовика, подальше от чужих глаз.

Едва они остались втроем, Ло Юаньцзе без обиняков выдал:

— Потрогай у него между ног.

<http://bllate.org/book/19727/1985744>